

Ходынюк Ю.Э.
(Бяла Подляска, Польша)

ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»)

Аннотация

***Ключевые слова:** лексические единицы; речевая характеристика; жаргон.*

***Аннотация:** в статье рассматривается проблема речевой характеристики героев повести А. И. Солженицына, речевые и стилистические приемы создания образа литературного героя. Дана характеристика основным стилистическим пластам повести «Один день Ивана Денисовича». Также дается определение жаргона, рассматривается вопрос об употреблении внелитературной лексики, диалектных и просторечных конструкций.*

Стилистическое и языковое мастерство А. И. Солженицына неоднократно отмечалось языковедами, его редкое авторское своеобразие не может не привлекать внимания исследователей в области языка и литературы. Интересной и в то же время парадоксальной является негативная позиция читателя к языку и стилю автора.

Солженицын ставил перед собой невероятно сложную стилистическую задачу, объединяя автора и героя воедино, и решал ее при помощи виртуозной игры слов, основанной на взаимосвязи и взаимообусловленности стилевых приемов и речевых средств, в каких эти приемы воплощаются. Именно с этой точки зрения попробуем проанализировать творчество А. И. Солженицына, показывая внутреннее единство словесно-образного состава и последовательную мотивированность использования лексики [4].

А. И. Солженицын умело сочетает в своих произведениях яркие новаторские черты с глубокой закорененностью и наиболее отчетливо это прослеживается в области лексики. Автор употребляет не только окказиональную лексику, но и забытую или даже обычную, но обладающую иной семантикой. Кроме того, писатель значительно расширяет сферу употребления нелитературной лексики.

Например, в рассказе «Один день Ивана Денисовича» писатель проводит обширную работу по лексическому расширению русского языка.

Анализируя лексическое своеобразие рассказа, мы можем выделить следующие пласты: общелитературная лексика, диалектные и просторечные формы в языке рассказа, тюремный жаргон, окказионализмы. Таким образом, А. И. Солженицын создает четкую речевую маску, характеристику своих героев, которая соединяет в себе индивидуальные особенности речи в зависимости от его характера, черты просторечного говора, характерные для крестьянина и ерцевой колорит среды, окружающей героя, в частности – заключенных.

Сложность одновременного использования этих разнородных и разномастных речевых пластов состояла еще и в том, что по замыслу автора они должны были быть заключены не в более привычную форму повествования от первого лица – лица рассказчика, а в синтаксическую структуру несобственно-прямой речи:

«Шел Шухов тропью и увидел на снегу кусок стальной ножовки, полотна поломанного кусок. Хоть ни для какой надобности ему такой кусок не опреде-

лялся, однако нужды своей вперед не знаешь. Подобрал, сунул в карман брюк. Спрятать ее на ТЭЦ. Запасливый лучше богатого».

Использование несобственно-прямой речи достаточно часто используется в литературе для характерологических характеристик героев. И в данном случае она дает автору большую свободу и основание для объективизации действительности. Слияние героя и автора дает возможность особенно выразительно подчеркивать их соперничество и участие в изображаемых событиях. Таким образом, Солженицын достигает ошеломляюще действенного эмоционального эффекта, раскрывает добавочную остроту, предельно обнажая ироническую горечь происходящего, например, в эпизоде описания жуткого «кросса» обгоняющих друг друга обветренных, вымерзших, выголодавших арестантов. На финише кросса – не кубок, а черпак... Черпак баланды, которая сейчас для зэка «дороже воли, дороже жизни, всей прежней и всей будущей жизни»[4].

Не менее выразительна передача прямой речи на фоне несобственно-прямой речи:

«А вблизи от них сидел за столом кавторанг Буйновский... он также занимал сейчас незаконное место здесь и мешал новоприбывающим бригадам, как те, кого пять минут назад он изгонял своим металлическим голосом. Он недавно был в лагере, недавно на общих работах. Такие минуты, как сейчас, были (он не знал этого) особо важными для него минутами, превращавшими его из властного, звонкого морского офицера в малоподвижного осмотрительного зэка, только этой малоподвижностью и могущего перемочь отверстанные ему двадцать пять лет тюрьмы».

При помощи указанных приемов автор противопоставляет психологические результаты противоположного жизненного опыта. Иногда также используется прием отстранения, который показывает вещи с неожиданной стороны, совершенно по-новому:

«Цезарь Шухову улыбнулся и сразу же с чудачком в очках, который в очереди все газету читал:

– Аа-а! Петр Михалыч!

И – расцвели друг другу как маки. Тот чудак:

– А у меня “Вечерка”, свежая, смотрите! Бандеролью прислали.

– Да ну? – И суется Цезарь в ту же газету. А под потолком лампочка слепенькая-слепенькая, чего там можно мелкими буквами разобрать?

– Тут интереснейшая рецензия на премьеру Завадского!..

Они, москвичи, друг друга издаля чуют, как собаки. И, сойдясь, все обнюхиваются, обнюхиваются по-своему. И лопочут быстро-быстро, кто больше слов скажет. И когда так лопочут, так редко русские слова попадают, слушать их – все равно как латышей или румын».

Такое переплетение, смешение прямой, несобственно-прямой и косвенной речи накладывается на общий для всей повести разговорный стиль, что можно отнести к еще одной интересной особенности писательской манеры А. И. Солженицына. Раздробление происходящего на мельчайшие составляющие, которые внешне кажутся незначительными, а на самом деле детали, наполненные глубочайшим смыслом, не замедляют темпа и ритма повествования. Указанная детализация допускается в разговорной речи и хорошо сочетается с обилием вводных слов и конструкций, восклицательных и вопроситель-

ных предложений, синтаксическими повторами, порядком слов и синтаксическим строением предложений.

Разговорная речь в творчестве Солженицына может рассматриваться как отдельная проблема, в которой можно рассматривать каждое из указанных явлений, а также можно выявить целый ряд других приемов и явлений.

Как уже отмечалось ранее, язык творчества А. И. Солженицына многопланов, и планы эти зачастую неуловимо, очень тонко и сознательно переплетены. С точки зрения лексики компоненты выделяются относительно явно.

И хоть на первый взгляд может показаться иначе, основу всей лексики составляет общелитературная речь. В русской литературе известны и другие примеры употребления «внелитературной» формы языкового употребления, например, Гоголь, Лесков, Леонов, Бабель и др. Но всегда опорной точкой является литературный язык, поскольку произведение, написанное на диалекте, не сможет стать общенациональным художественным достоянием.

В повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» жаргонная и диалектная лексика выполняет функцию ярких стилистических речевых фигур. Объем жаргонной и диалектной лексики явно уступает лексике литературной, а поскольку она нейтральна и служит только фоном, мало заметна по сравнению с эмоционально-окрашенными внелитературными словами, то количественная характеристика еще ничего не значит. Если более пристально присмотреться к речи героев, то можно заметить, что не только при помощи «окрашенных» слов автор создает выразительную речь героя и его окружения, а в основном общепринятыми средствами общелитературной лексики, фигурами речи, которые накладываются и переплетаются с разговорно-синтаксическими структурами:

«Снуют эски во все концы! Одно время начальник лагеря еще такой приказ издал: никаким заключенным в одиночку по зоне не ходить. А куда можно – вести всю бригаду одним строем. А куда всей бригаде сразу никак не надо – скажем, в санчасть или в уборную, – то сколачивать группы по четыре-пять человек, и старшего из них назначать, и чтоб вел своих строем туда, а там дожидался, и назад – тоже строем».

Сарказм этого отрывка обостряется подчеркнутой нейтральностью словесного подбора, которая усиливает бессмысленность и тупость изображаемых лагерных порядков.

Второй пласт лексики Солженицына – это диалектная лексика. Центральным героем своей повести Солженицын сделал крестьянина и наделил его авторской функцией, создавая таким образом выразительную необычную диалектную характеристику его речи. Эта диалектная характеристика формируется не столько за счет лексики, а прежде всего за счет словообразования, обновляя, таким образом, привычные ассоциативные связи слова и образа. Ср., например, восторженный комментарий И. Гуро к таким словам, как шлепоток, пригревные полянки, первенькая черемуха в прозе С. Сартакова («Лит. Россия», 27 декабря 1963 г.).

С такой же целью писатель использует просторечную лексику. С помощью диалектной и просторечной лексики речь Ивана Денисовича получает желаемую эмоционально-стилистическую окраску, на выходе мы имеем живую, свободную, наполненную юмором народную речь.

Еще одним лексическим пластом, который явно просматривается в повести, являются слова и обороты тюремного жаргона. Таких слов во всей повести немного, всего около 40, но все они употреблены весьма тактично, с четким чувством меры.

Жаргон (франц. *jargon*), социальная разновидность речи, отличающаяся от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией. Иногда термин «жаргон» применяется для обозначения искаженной, неправильной речи [1, с. 254]. А. И. Солженицын употребляет их исключительно тактично. Все более или менее значительные моменты лагерного быта окрашены жаргонизмами.

Жаргонная лексика у писателя, как и в случае с диалектной или просторечной, сочетается с общеупотребительной. Шухов вспоминает наставления «старого лагерного волка»: «Здесь, ребята, закон – тайга. Но люди и здесь живут. В лагере вот кто подыхает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать». В этом примере мы наблюдаем сочетание пластов литературного и жаргонного языка (кум – начальник оперативно-режимной части, кумовский работник – доносчик, осведомитель (в камере, в «зоне»); *стучать* – доносить) [2, с. 110]. Их соразмерное сочетание и определяет особенности художественной стилистики рассказа.

Полное отсутствие этих слов в повести невозможно. Возможно ли изобразить лагерь, не употребляя лагерных выражений, тем более что рассказывает о лагере сам лагерник?

Если встать на этот сомнительный путь, то вместо слова *параши* придется написать нечто типа *туалетная бочка*; вместо *падлы* – тоже что-нибудь «нежное», например, *дурные люди*. В последнем случае речь надзирателя будет выглядеть так: «Ничего, дурные люди, делать не умеют и не хотят. Хлеба того не стоят, что им дают...».

Но даже если употребить нейтральные лексически слова (например, вместо пары *шмон – шмонять* возьмем пару *обыск – обыскивать*), даст ли это полноценный художественный результат? Очевидно, нет, и не только потому, что утратится «локальный колорит». Ведь между «шмоном» и «обыском» – пропасть неизмеримо большая, чем обычное стилистическое различие. Шмон – это не просто обыск, малоприятная, но имеющая все же какие-то логические основания процедура. Шмон – это узаконенное издевательство, мучительное и нравственно, и физически:

«Поздней осенью, уж земля стуженая, им все кричали:

– Снять ботинки, мехзавод! Взять ботинки в руки!

Так босиком и шмоняли. А и теперь, мороз, не мороз, ткнут по выбору:

– А ну-ка, сними правый валенок! А ты – левый сними! Снимет валенок зэк и должен, на одной ноге пока прыгая, тот валенок опрокинуть и портянкой потрясти...».

Само государство разговаривает с заключенными оскорбительным жаргонным языком. Вместо фамилий и имен у них номера вроде «Щ–854» или «К–460», «Ю–48», «Б–502». Таким образом, жаргон становится неотъемлемой частью лагерной культуры, указывая на тюремный характер лагеря, бесправие зэков.

В лагерной повседневности жаргон привычен, его понимают и используют почти все. Так, характеризуя бригадную ответственность за невыполнение норм, он пишет: «Тут так: или всем дополнительное, или все подыхайте. Ты не

работаешь, гад, а я из-за тебя голодным сидеть буду? Нет, вкалывай, падло!» [3, с. 21]. В данном примере его безличные жаргонизм – сгустки эмоций, в них переданы и отношение к лагерным порядкам, и настроение. Жаргонная лексика – это лексика мира, отгороженного колючей проволокой и «*вертухаями*» (постовыми).

Некоторые читатели считают, что тюремные слова непонятны. Но это не совсем верно. Многие жаргонные слова часто используются за пределами лагерей и тюремных стен. Они широко известны: *стучать*: «*В лагере вот кто подышает, кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать*» [3, с. 3] в значении ‘доносить’. Лексику тюремного жаргона не всегда можно отделить от вульгарно-просторечной в виду подвижности и взаимополнения. Помимо этого, многие слова тюремного жаргона комментируются в тексте прямыми ссылками: *кум*: по-лагерному – оперуполномоченный; *БУР* – барак усиленного режима [3, с. 3].

Очень прозрачна и тюремная фразеология – качать права: «Паек этих тысячу не одну переполучал Шухов в тюрьмах и в лагерях, и хоть ни одной из них на весах проверить не пришлось, и хоть шуметь и качать права он, как человек робкий, не смел, но всякому арестанту и Шухову давно понятно, что, честно вешая, в хлебрезке не удержишься» [3, с. 10].

Лексику, принадлежащую собственно тюремному жаргону, не всегда можно отделить от общей вульгарно-просторечной речевой стихии, так как та и другая подвижны и находятся в состоянии постоянного взаимополнения.

Отдельные слова тюремного жаргона автор комментирует, иногда в тексте, иногда прямой сноской (*кум, бур*). Смысл некоторых из них с достаточной ясностью раскрывается самим контекстом, без специальных пояснений. В частности, это касается и аббревиатур (*гулаг, зэк*). Сложносокращенные и просто сокращенные слова понятны – *начкар, опер*. Очень прозрачна и тюремная фразеология – *качать права, совать на лапу, травить бдительность, от звонка до звонка*.

Настоящее искусство – это прежде всего правда. Правда в большом и малом. Правда в деталях. В этом смысле для языка художественного произведения нет никаких псевдоэтических норм, нет фарисейских правил, что можно и чего нельзя. Все зависит от того, зачем употребляется в литературе то или иное речевое средство.

Таким образом, пока существует тюремный жаргон (а он умрет сам собой, когда исчезнут преступления и тюрьмы), одинаково бесполезно и закрывать глаза на его реальное существование, и возражать против его использования в реалистической художественной литературе.

В повести «Один день Ивана Денисовича» есть еще один пласт, несколько иной, чем уже названные, – это индивидуальное словообразование и употребление слов. Эта характеристика, которой всегда бывает отмечено произведение писателя. У Солженицына это свойство совпадает со стилистикой простонародной речи. Ни в одном случае нельзя с уверенностью сказать, что перед нами авторское словообразование писателя, скорее это обновленный состав слова, с увеличенной его эмоциональной значимостью. Ярким примером является слово *недокурок* вместо привычного *окурок*. Такая же функция и у глагольных образований: *обоспеть* (всюду ловко успеть), *додолбать, вычуивать, пронырнуть, ссунуть* (с лица тряпочку), *сумутиться* (суетиться), *засавывать*. Таким образом, достигается живой контакт с текстом, проявляется характер действия, темп, ритм повествования, психологическая характеристика.

Неожиданной экспрессией оборачиваются:

1) использование забытого исходного значения слова (например, тленный 'гниющий, гнилой'), которое сейчас малоупотребительно и во всех других своих значениях: «разварки тленной мелкой рыбешки»;

2) просто необычное для данной контекстной ситуации словоупотребление: «до обеда – пять часов. Протяжно». То же самое – в чудесном образе «ботинки с простором»;

3) неупотребительные формы слов, например, деепричастия ждя, проля, которые расширяют диапазон сопоставительных возможностей называемых ими побочных действий с основными действиями: «Фу-у! – выбился Шухов в столовую. И не ждя, пока Павло ему скажет, – за подносами, подносы свободные искать». Здесь это ждя цементирует всю фразу, выстраивая действия Шухова в один временной ряд и подчеркивая их стремительность в ответственный момент: с боем прорваться в столовую, сразу сориентироваться и, хоть надо бы для порядка помбригадира сначала спросить, нестись за подносами, добывая их в схватках с зэками из других бригад.

Таково лексическое своеобразие произведений А.И. Солженицына.

Список литературы:

1. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М. : СПб., 2000.
2. Грачев, М., Гуров, А., Рябинин, В. Словарь уголовного жаргона / М. Грачев и др. – М., 1991.
3. Солженицын, А. И. Один день Ивана Денисовича / А. Солженицын. – М. : Эксмо, 2006.
4. Винокур, Т. Г. О языке и стиле повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» / Т.Г. Винокур // Русский язык. Выпуск 27. – 2008. – № 23.

Чагайда Ю. Н.

(Брест, Беларусь)

УДК 81'37 + 81'38 + 81'42

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛАН ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЛИЦА В РАССКАЗЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА «МАТРЕНИН ДВОР»

Ключевые слова: ономасиологический анализ; номинативные единицы; ономасиологические уровни; герой художественного произведения.

Аннотация: статья посвящена ономасиологическому анализу предикативных и непредикативных номинаций со значением характеристики действующего лица. Материалом для анализа данных номинативных единиц послужил рассказ А. Солженицына «Матренин двор».

Ономасиологический анализ художественного текста (от формы к смыслу) развивается в нескольких направлениях. С одной стороны – это все, что связано с лингвистической поэтикой. Здесь основное внимание уделяется языковым единицам (в том числе и стилистически маркированным), которые рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи определенного идейно-художественного содержания [5]. С другой сто-